

80 лет
Великой
Победе
Детям войны

В. КРАПИВИН

ОБЛАКА

Возвращаются

с Запада

ПОВЕСТИ О ВОЕННОМ ВРЕМЕНИ

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Рисунок на обложке Г. Мазурина

Крапивин, Владислав Петрович.

К77 Облака возвращаются с запада. Повести о военном времени: [рассказы, повести] / В. Крапивин, худож. Г. Мазурин. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 348, [4] с. — (80 лет Великой Победе. Детям о войне).

ISBN 978-5-17-173031-4.

Книга «Облака возвращаются с запада. Повести о военном времени» — это сборник рассказов и повестей талантливого детского писателя Владислава Крапивина. Действия его произведений разворачиваются в разные годы (до и после Великой Отечественной войны), в разных странах (не только в Советском Союзе, но и в фашистской Германии), но все они посвящены главным жертвам военного времени — детям. Сам автор родился в 1938 году, его рассказы наполнены личными чувствами и впечатлениями из послевоенного детства.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Крапивин В. П., насл., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Некоторые из этих рассказов и повестей написаны очень давно — когда автор был еще студентом или совсем молодым, начинающим литератором (сказать про такого «писатель» как-то слишком нескромно). Это были годы, когда еще во всем ощущалась память о большой Войне. Она, можно сказать, «дышала людям в затылок» — и большим, и детям. Среди взрослых сейчас уже мало таких, кто помнит жизнь сороковых годов, в которых было много потерь и горестей. А многие из тех, кто был в ту пору детьми, еще живут на свете и помнят. Не забывают, что, несмотря на суровость тех лет, случались в ребячьей жизни и проблески радости. Автор этой книги как раз один из таких мальчишек.

Автору не пришлось видеть бомбежек, атак, зверства оккупантов, он провел детство в тылу, в сибирском городке, но и там все жило войной: она диктовала свои законы, ощущения, свой ритм, свою тревогу и страх за тех, кто ушел воевать. И даже на детские игры бросала свою тень... Такое ощущение тревоги запомнилось навсегда. А в то время, когда автор только брался за первые рассказы, эта тревога была особенно ощутимой.

Впрочем, не забывается она и сейчас, хотя прошло уже немало лет. Автор давно не ребенок, ему пошел восемьдесят первый год. Он пишет эти строчки январским днем, когда за окном видна замерзшая гладь водохранилища и застывшие у заснеженных причалов парусники, многие из которых писатель-командор построил своими руками. Казалось бы, можно смотреть на эту картину и вспоминать многое-многое, что было в жизни: написанные и ненаписанные книги, встречи и приключения, победы и неудачи... Но вспоминается почему-то не это. Мысли уходят к началу сороковых, к первым прочитанным книжкам, к первым елкам того давнего детства. К сказкам, которые ребячья душа умела находить среди невзгод.

Вот, отыскались давние стихи автора о том времени, которое кажется то небывало далеким, то совсем близким.

ДЕТСТВО

*Пятилетнему легко на белом свете,
Даже если в доме хлеба нет порою.
Вьюжный год к концу подходит, сорок третий,
Будет елка с довоенной мишурою.*

*У меня в душе безоблачно и чисто,
Ни сомнения, ни страх меня не точат.
Есть оладьи из картофельных очисток,
Есть письмо, что папа ранен, но не очень.*

*Непонятно, отчего же мама плачет:
Ведь отец к весне приедет дней на сорок —
Это твердо пишет старший военврач ей...
— Мама, можно я пойду кататься с горок?!*

*...Вечер. Лампа. В окнах сказки снеговые,
На стекле предновогодняя картина.
Чтобы мама не грустила, я впервые
Книжку ей читаю вслух — про Буратино.*

26 декабря 2000 г.

У нынешних детей свои радости и свои вопросы в жизни. Свои сложности и боли. Но о наших невзгодах и тревогах им знать полезно. И потому этот сборник целиком я решил *посвятить своим внукам Даше, Пете и Левушке, а также крошечной правнучке Алисе.*

Пусть их никогда не коснутся военные горести. Пусть не коснутся всех детей на Планете...

19 января 2019 г.

АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ

Повесть

Эта повесть — первая часть трилогии братьев Крапивиных. Вторую и третью части писал в основном старший брат, Сергей Петрович. А начальная — главным образом результат работы младшего брата, Владислава. Это вполне самостоятельное произведение, со своим законченным сюжетом. Потому Владислав Петрович и решил, что его можно поместить в эту книгу.

Речь здесь идет еще не о военных годах, но таких, про которые говорят: «Завтра была война».

Афишная тумба похожа была на макет крепостной башни: круглая, с остrokонечной крышей и коротким шпилем, на конце которого сидел шарик. Чуть покосившись, она стояла на заросшем лопухами перекрестке. С давних времен.

Сделали тумбу, видимо, из фанеры — на каркасе из досок. А потом на фанеру стали клеить афиши. Клеили постоянно, а обдирали редко, и за долгие годы тумба покрылась крепкой броней из бумаги и клейстера. Митька, однако, надеялся, что его стрела пробьет этот панцирь.

На плече Митька нес лук. Длинный легкий лук, сделанный из расщепленной лыжной палки. Палка была бамбуковая, пустая, и в желобок Митька вложил узкую стальную полоску — для пущей силы и упругости. Лук бил на сто шагов, а легкие тростниковые стрелы забрасывал вообще неизвестно куда. Но сейчас Митька взял только одну стрелу — тяжелую, с наконечником из пустой винтовочной пули.

На перекрестке было солнечно и пусто. В заросшем газоне за низким деревянным штакетником усердно трещали кузнечики. Штакетник подходил вплотную к тумбе — будто крепостной частокол к башне. Митька шагнул через него в траву и остановился перед коричневой афишей.

На афише нарисованы были остроконечные дома и маленькие марширующие фашисты. Все — коричневой краской. А на этом фоне выделялись две главные фигуры: крючконогая тетка в длинном черном платье со стеклышком в глазу (стеклышко называлось «монокль») и мальчишка в таком же, как у Митьки, матросском костюме, только не в белом парусиновом, а голубом. Тетка — баронесса — выглядела рассерженной. А мальчишка хитро смотрел в сторону и прятал за спиной смеющуюся куколку с красной звездой на шапке. Это был немецкий пионер Карл Бруннер.

Пьеса так и называлась — «Приключения Карла Бруннера».

Митька два раза ходил на этот спектакль в летний театр сада «Спартак». И не он один,

а почти все ребята из его класса. Взрослым спектакль не так сильно нравился. Они говорили, что артисты эти будто бы не настоящие, а из какого-то клуба.

Ну и что? Пьеса все равно была совершенно правильная! Митька мог это полностью доказать, потому что он и книжку про Карла Бруннера читал. А то, что артисты ненастоящие, так это даже лучше. У настоящих артистов мальчишек играют женщины, а на это просто смешно смотреть. В прошлом году Митька был в городском театре на постановке «Приключения Тома Сойера», и этого Тома там изображала толстоногая тетя в штанах, похожих на футбольные трусы, и с длинными волосами, кое-как заправленными под мальчишечий парик.

А Карла Бруннера играл настоящий мальчик, такой же, как Митька! И правильно. Разве какая-нибудь тетенька сумела бы шарахнуть штурмовика головой в пузо или свистеть в четыре пальца? А как этот мальчишка пел в конце пьесы знаменитую песню «Бандьера росса»? Два раза Митька был на спектакле, и оба раза весь зал подхватывал песню.

А баронесса — настоящая змея! Ну ладно...

Митька резко повернулся и пошел по высокой шелестящей траве, отмеряя дистанцию. Кузнечики зелеными брызгами кинулись в стороны.

Митька отмерил тридцать шагов. Он не сокращал их. Все по-честному, раз он сам поспорил, что засадит стрелу в башку баронессе с такого расстояния. С Виталькой Логиновым поспорил.

Виталька мог бы и проверить, но не стал, потому что Митька поклялся «Алыми перьями», что не сжульничает.

А промазать Митька не боялся. Он оглянулся еще раз (нет ли поблизости прохожих?), наложил на лук стрелу и медленно потянул тетиву к губам.

Только те, кто стрелял из хорошего лука, знают эту упругую радость, когда в руках тугая сила и ты уверен в метком выстреле.

Ш-ших! Тетива больно ударила по запястью (надо бы сделать щиток на руку, да все некогда). Стрела как бы растаяла, и тут же донесся стук наконечника.

Вот это да! На такую удачу Митька и не надеялся: стрела торчала в монокле баронессы.

Митька негромко крикнул «ура!» и бросился к тумбе, путаясь ногами в зарослях мышинового гороха.

Все было здорово. Жаль только, что наконечник вошел не очень глубоко. Видно, слишком толстой оказалась бумажная шкура.

Но Митька знал, что делать. Ведь главное — он попал. И теперь он считал себя вправе помочь стреле. Он встал на цыпочки, дотянулся и выдернул оперенное древко из наконечника. Затем нагнулся, чтобы поискать обломок кирпича. Кирпичом он хотел забить наконечник поглубже и опять вставить стрелу. Так будет надежнее. Но обломка не нашлось. Митька выскочил из газона, присел перед штaketником и дернул к себе деревянную планку. Заскрипели гвозди. Митька

дернул еще раз, планка оторвалась, и он сел на дощатый тротуар. Шепотом сказал:

— Муї бьен, камарадос.

По-испански это приблизительно означало: «Все в порядке, ребята».

— Муї бьен, — согласился с ним насмешливый мужской голос.

По Митьке словно ток прошел. От пяток до затылка. Предчувствуя неприятности, он медленно оглянулся. И увидел серые брезентовые сапоги. Митька начал поднимать глаза. Над сапогами он увидел синие галифе, затем синюю же гимнастерку под красноармейским ремнем, малиновые петлицы и молодое, симпатичное, но довольно безжалостное лицо милиционера.

— Безобразничаем... — не то спросил, не то просто сказал милиционер.

Митька молчал. Спорить было бесполезно, соглашаться — глупо. Митька встал, машинально отряхнул штаны и с упавшим сердцем стал разглядывать сапоги милиционера.

— Ну, придется прогуляться, — сказал милиционер и почему-то вздохнул. — До отделения.

Ну отчего так получается? Только что было все хорошо, и вдруг — раз! — валится на человека беда!

Митька чувствовал: если зареветь, сказать что-нибудь вроде «дяденька, больше не буду, простите, я нечаянно», то, наверно, можно еще спастись. Но реветь и унижаться, когда у тебя в руках боевой лук и стрела с алыми перьями на хвосте, было немислимо. Даже и не получилось бы.

— Идем, — сказал милиционер и подтолкнул Митьку в плечо. — Да не вздумай драпать.

Где уж тут драпать. У Митьки и ноги-то ослабели.

Они пошли по улице Герцена. По той самой, где он, Митька, родился и без особых несчастий прожил почти двенадцать лет. Мимо швейной мастерской, где работала мать Витальки Логинова; мимо забора, где нарисована была мелом старая лошадь, похожая на генерала Франко (Павлик Шагренев рисовал), мимо его, Митькиного, двора с двумя тополями, двухэтажным домом и флигелем.

Хорошо, что хоть знакомые не встретились. Попалась навстречу маленькая девочка с жестяным бидоном — свободная и счастливая. Протарахтел голубой автобус — в нем тоже ехали счастливые и свободные люди. А по тротуару шаггал несчастный арестованный Митька.

Потом они зашагали по Садовой. «Во второе отделение ведет», — обреченно подумал Митька. Чуть повернул голову и взглянул на своего конвоира. Молодой совсем, новичок наверно. Обрадовался, что поймал «нарушителя». Жулика или шпиона поймать не может, вот и привязался к Митьке.

Странно даже: такой парень, вроде и не злой с виду, на артиста Алейникова похож, а прицепился, как самая вредная зануда.

— Шагай-шагай, — поторопил милиционер, — не крути головой. — Подумал и добавил: — А еще, наверно, пионер...

— Ну и что... — хмуро сказал Митька.

— Ну и то. Вот узнают в школе, тогда увидишь что.

— Сейчас каникулы. Мы уже все экзамены сдали.

— Ничего, разберемся. Как фамилия?

— Сидоров.

Хоть и растерян был Митька, а сообразил: нет никакого смысла называть свою собственную фамилию.

— Имя?

— Валерий.

— Где живешь?

— На Перекопской. Дом три, — сказал Митька и с грустью вспомнил хорошего человека Валерку Сидорова, который жил раньше на Перекопской, а недавно уехал в Пензу.

— Ладно, шагай, — снова сказал милиционер.

Рядом был дощатый забор стадиона. В Митьке вдруг будто пружина сработала! Секунду назад он и не думал о бегстве, а тут вдруг кинулся к забору, подскочил, подтянулся изо всех сил, закинул ногу на кромку...

Крепкие пальцы ухватили Митьку пониже колена.

— Вы куда, гражданин Сидоров? Нам вроде бы не футбол смотреть.

Митька тяжело прыгнул в траву у тротуара.

— Странно даже, — сказал милиционер. — Шли, разговаривали... И вдруг — бац! Ведь договаривались же: не драпать.